

СОЗНАНИЕ И ТЕНЬ ВРЕМЕНИ*

ДЖОН С.КАФКА

Задача понимания психической реальности занимает центральное место в любой психоаналитической практике и теории. Это ни в коем случае не означает, что мы оставляем за пределами нашего внимания проблему конфликта, поскольку сама психическая реальность возникает в результате действия конфликтующих сил и защитных операций против этих сил. В свое время, однако, многие авторы-психоаналитики были склонны представлять внешнюю реальность как относительно фиксированную, стабильную и жесткую данность. На жестком игровом поле такой реальности психология конфликта занималась *макродинамикой* инстинктивных сил и активизирующимися против них защитами. Психоаналитическое исследование *микродинамики* восприятия, точнее, исследование действия конфликтов и защит при восприятии реальности возникло позже и представляет собой ту область, в которой встречаются психоанализ и наука о познании.

Внимание к микродинамике восприятия может обогатить психоаналитическую работу с любым пациентом, хотя многие аналитики считают, что такие вопросы представляют интерес, только если мы имеем дело с проблемой «проверки реальности» у пациентов с более серьезными нарушениями. Моя гипотеза состоит в том, что каждый акт восприятия воспроизводит его онтогенез, повторяет ранние этапы развития тех способностей к различению, которые лежат в основе *перцептивного* репертуара. Более того, в процессе восприятия, происходящем в рамках переноса в ходе психоаналитического лечения, кратко проигрывается вся история развития конфликтов. Исследование этого временного феномена — воспроизведения¹ — ведет нас к признанию главенствующей роли

* Перевод статьи выполнен Инфоцентром психотерапии (Москва) по изданию: John S.Kafka. Consciousness and the Shadow of Time. // Two butterflies on My Head. Psychoanalysis in the Interdisciplinary Scientific Dialogue; Leuzinger-Bohleber M., Schneider H., Pfeiffer R., eds.; Springer, Berlin. 1992.

Д-р *Джон Кафка* — американский психоаналитик, занимал пост вице-президента Международной психоаналитической ассоциации.

¹ Автор использует слово «recapitulation», которое иногда переводится на русский язык как «рекапитуляция» и

времени в психической деятельности и, наконец, к понятию об эквивалентности времени и психики.

В этой главе я попытаюсь кратко изложить то, как развивались вышеупомянутые идеи, углубляясь в детали, лишь поскольку это необходимо для того, чтобы на их основе очертить возникающие по этому поводу мысли.

Прошлое, которое проигрывается вновь, постоянно меняется под воздействием вновь поступающей информации. Ретроактивная атрибуция смысла усложняет процессы повторения. Возможно, было бы правильнее сказать, что мы повторяем то, что всегда вспоминаем одинаково, чем удовлетвориться формулой, что мы повторяем то, чего мы не помним. Проблема памяти и сама память о продолжительности во времени, тесно связаны с проблемой осознания нами себя и с проблемой самого сознания – понятия, может быть, еще более неуловимого, чем бессознательное.

Рассогласование между осознанием существования мысли и существования того, кто мыслит, у больных шизофренией, клинические и экспериментальные данные позволяют предположить, что дублирование во времени – определенная, но не слишком долгая отсрочка психической и нейронной переработки – приоткрывает нам путь к пониманию сознания.

Чтобы продолжить изложение новых идей, я должен сначала воспроизвести нить размышления, которая привела меня к нынешней позиции. Термин «воспроизведение» имеет для меня наиболее важное значение. Правда ли то, что утопающий видит, как вся его жизнь проносится перед ним, или нет, но идея такого панорамного опыта, сконденсированного в доли секунды, может дать представление о понятии «воспроизведение». Я считаю, что гипотетическое панорамное переживание тонущего человека соответствует такому же реально происходящему *бессознательному* явлению – воспроизведению, которое происходит у всех нас в обычных условиях. Я уже подчеркивал, что каждый перцептивный акт воспроизводит онтогенез восприятия (*Kafka*, 1988, 1989). Развитие наших перцептивных способностей включает в себя (хотя и не исчерпывается этим) развитие способности отличать живое от неживого, внешние стимулы от внутренних (и, таким образом, наши собственные размеры как организма) и временную организацию психических данных от пространственной. Три эти способности к различению имеют важнейшее значение в развитии младенца и маленького ребенка и находятся между собой в системной взаимозависимости. Существует близкое родство между живым, внутренним и временным, с одной стороны, и внешним, пространственным и неживым – с другой.

Процессу развития этих важнейших функций различения соответствует микроразвитие внутри каждого перцептивного акта. Клинические и

отсылает нас к общим, принципам краткого повторения филогенеза в онтогенезе, восходящем еще к Геккелю (*Прим. перев.*).

экспериментальные данные подтверждают это утверждение. Тахистоскопические эксперименты (исследования по кратковременному предъявлению стимулов) являются особенно информативными. Они дают нам что-то вроде временного среза процесса восприятия, показывающего следующее: если прервать перцептивный акт взрослого человека, устранив стимул после очень кратковременного его предъявления, то восприятие взрослого станет похоже на восприятие маленького ребенка (*Stein, 1949; Smith, 1982; Westerland & Smith, 1983*). Если стимулы предъявляются на очень короткое время, то реакции, возникающие у нормальных взрослых людей, подобны тем, которые возникают у маленьких детей при предъявлении им стимулов на неограниченное время. Немного более длительное тахистоскопическое предъявление вызывает у взрослых реакции, напоминающие реакции более старших детей. Еще более длительное время предъявления вызывает у взрослых реакции, похожие на реакции еще более старших детей.

Самой смелой формулировкой, к которой привели меня данные, свидетельствующие в пользу концепции воспроизведения, стала идея о том, что психика (*mind*) и время эквивалентны. Коротко говоря, последовательность шагов, приведшая к этому уравнению **психика=время**, была следующей: наши психологически константные объекты – результат субъективной эквивалентности различных стимулов. Экспериментальная работа Генриха Кловера (1936) дает почву для такого утверждения. Его основной метод заключался в том, чтобы обучить животных различать два стимула, а затем поместить их в условия, где *ни один* из стимулов не идентичен стимулам, предъявленным первоначально. В этой новой ситуации животное выбирало новый и незнакомый стимул как *субъективно эквивалентный* стимулу, первоначально подкрепленному в эксперименте по выработке условного рефлекса.

Я считаю, что такого рода субъективная эквивалентность в том смысле, в каком этот термин используется в общей психологии, столь же необходима и при формировании константных, в психоаналитическом смысле, объектов (*Kafka, 1964*). В психоанализе константность объектов включает в себя идею о том, что удовлетворяющий и фрустрирующий объект, например, удовлетворяющая и фрустрирующая мать, не «отщеплены» друг от друга, но являются одним и тем же.

Давайте теперь расширим концепцию субъективной эквивалентности и представим себе, что в разных ситуациях время идет быстрее или медленнее. Существует обширная литература, описывающая факторы, влияющие на восприятие времени (*Kafka, 1989*). Объективно различные временные интервалы могут быть субъективно эквивалентны, а объективно идентичные интервалы – субъективно различны. Обстоятельства, определяющие субъективное растяжение или сжатие восприятия времени, имеют некоторую связь с состоянием наших влечений, терпением или нетерпением в удовлетворении наших потребностей. Объект, который нам нужен, т.е. то, *что именно* мы ищем,

определяется нашей наиболее неудовлетворенной в данный момент потребностью. Скорость поиска зависит от интенсивности потребности, состояния влечений или аппетита и от относительного изобилия или скудости удовлетворяющих потребность объектов в доступном нам поле поиска. Ко всему этому нужно добавить, что защитные операции входят в микродинамику восприятия и вносят вклад в регуляцию проявления потребностей в процессе нашего восприятия (*Smith & Danielsson, 1982*). Ни наши субъективные «пространственные» объекты, ни субъективные «временные» единицы не соответствуют «внешней» и «линейно» фиксированной реальности именно потому, что скорость, с которой мы просматриваем стимульное поле, находится под многообразным влиянием наших влечений, нашего аффективного состояния. До сих пор мои рассуждения сосредоточивались на познании в узком смысле, теперь позвольте отметить, что *время* – посредством рассмотрения состояния влечений, отражающегося на скорости поиска, – должно ввести в мои формулировки понятие аффекта. То поле, которое просматривается, само может сжиматься и расширяться. Оно просматривается с разными целями и на разных скоростях. Все эти вариации связаны со сложным взаимодействием когнитивных и аффективных элементов. Сам этот термин – *просматривание, поиск (scanning)* – теряет свои узкие и несколько механические черты и принимает здесь более широкое значение. Восприятие в узком смысле расширяется до восприятия смысла и, таким образом, до мыслительных и психических процессов в целом. Микроселективность перцептивных процессов заставляет их, так сказать, создавать то, что обычно называется стимулами. Перцептивные акты включают в себя воспроизведение развития нашего восприятия и наших перцептивных способностей. Это означает, что происходит воспроизведение истории наших субъективных эквивалентностей и истории психоаналитически понимаемых защитных операций (более подробно см.: *Kafka, 1989*).

Представленное нами выше в сжатой форме изложение некоторых идей достаточно, чтобы показать, как психические процессы (психика) все больше и больше увязываются с временными процессами и, в конце концов, оказываются настолько сплетенными и неотличимыми друг от друга, что становятся эквивалентными и приводят к уравнению психика=время. Я захожу здесь несколько дальше Левальда, который говорил о времени как о внутренней ткани психики. Я думаю, что с первого взгляда обескураживающая концепция *уравнения*, связывающего понятия психики и времени, хотя она может пока оставаться необоснованной, будет подтверждена при дальнейшем изучении психических процессов.

Давайте на мгновение вернемся к несколько менее абстрактному уровню воспроизведения в каждом перцептивном акте содержания онтогенеза восприятия. Это воспроизведение понимается как постоянное и сокращенное повторение истории прошлого перед лицом новых

ситуаций и стимулов. Эта проблема становится еще более сложной, если мы рассмотрим воздействие новой информации на этот процесс. Использование Фрейдом концепции *Nachtraeglichkeit*, неточно переведенной на английский язык в *Standart Edition* (Стандартном издании) работ Фрейда как *отсроченное действие (deffered action)*, означает переработку прошлого под влиянием новой информации.

В возрасте до трех с половиной лет Маленький Ганс не испытывает тревоги перед лицом непосредственной угрозы кастрации, которую высказывает его мать, но полтора года спустя, в результате дальнейшего интеллектуального и эмоционального развития, благодаря «ретроактивной атрибуции смысла» он начинает испытывать тревогу. Термин «ретроактивная атрибуция смысла» был среди нескольких, упомянутых Хельмутом Томэ в неформальном обсуждении возможных переводов *Nachtraeglichkeit*.

История о всаднике, пересекшем озеро Констанцу (*Der Reiter uber den Bodensee*), который упал с коня замертво, узнав о той опасности, которую он только что пережил, проскакав через едва замерзшее глубокое озеро, также иллюстрирует эффект *Nachtraeglichkeit*. Фрейд использовал этот термин по отношению к новой переработке прошлого содержания психического опыта при грубом смешении когнитивных и эмоциональных факторов. Следствие такого понимания *Nachtraeglichkeit* для «реконструкции» (как этот термин используется в литературе по психоаналитической технике) невозможно переоценить. Ее действие очень сильно недооценивалось и упрощалось в многочисленных дискуссиях о действии «реальных» событий, реальных травм и фантазий. Поскольку мы уже знаем, что микродинамика восприятия включает в себя действие сложных защитных процессов (*Westerlund & Smith, 1983*), то, с психологической точки зрения, не существует «просто» событий, не имеющих смысла. *Что*, следовательно, может быть «реконструировано»? Если взять пример «Маленького Ганса», то должно быть теоретически и формально возможно «реконструировать» угрозу кастрации, которая *не* вызывает тревоги. В возрасте трех с половиной лет Маленький Ганс спокойно говорит, что если мать отрежет его пенис, он просто будет приседать, чтобы пописать. Позже эмоциональное и когнитивное развитие Маленького Ганса, разнообразная «информация» привели к новой переработке, в данном случае к травматизации, к ретроактивной атрибуции травматического смысла, к угрозе. Но, по-видимому, для больного-невротика новая переработка прошлого является неизменной и «ритуальной» в своей с виду «механической» (неживой) «застывшей» повторяемости. Таким образом, анализ дает анализируемому новую информацию, и прошлое перерабатывается иначе. Поскольку мы при этом сталкиваемся с *новым* прошлым, психоаналитическое изречение о том, что мы повторяем то, чего не помним, нужно, вероятно, заменить на тезис, что мы повторяем то, что помним одинаково. Во всяком случае, тот факт, что психоаналитик наблюдает реконструирование прошлого опыта в

настоящем, заслуживает нашего пристального внимания.

До сих пор при обсуждении того, как действует прошлое, мы фокусировались на когнитивном и эмоциональном *содержании* восприятия и памяти. Еще более интересны и, между прочим, перекликаются с мыслью об уравнении время=психика, *формальные* аспекты ситуации. При ближайшем рассмотрении аналитик интересуется не только эффектами переструктурирования *содержания* прошлого опыта, но и эффектами переструктурирования *формальных* аспектов того, как переживается течение времени и временная перспектива. Пациенты, проходящие анализ, нередко жалуются на прерывность течения своей жизни. Я бы сравнил такое положение дел с неким стержнем, протыкающим несколько слоев несмешивающихся жидкостей, которые имеют различные коэффициенты гравитации и преломления. Стержень прямой, но создается впечатление, что при вхождении в следующий слой он меняет направление. Психоанализ может перемешать жидкости, как бы выпрямляя стержень, способствуя появлению чувства интегрированности, непрерывности разъединенных до сих пор состояний Я. К этому важному для клиники вопросу имеют отношение некоторые экспериментальные данные.

Орнштейн (*Ornstein, 1969*) продемонстрировал ретроактивное влияние новой информации на суждения о продолжительности прошедших событий.

Испытуемые одной из экспериментальных групп заучивали серию цифр, расположенных, на первый взгляд, в случайном порядке, а затем отвечали на вопрос, сколько времени им понадобилось, чтобы запомнить эту серию цифр. Испытуемые другой группы заучивали ту же серию, но затем им давался код, превращавший эту с виду случайную серию в упорядоченную, после чего их спрашивали, сколько времени им потребовалось на заучивание. При одинаковой длительности периода заучивания те испытуемые, которым был дан код, оценивали период заучивания как более короткий по сравнению с оценкой тех испытуемых, которые не получили информации, позволяющей ретроспективно реорганизовать – перекодировать – их опыт. Хорошо известно, что упорядоченные цифры заучиваются быстрее, чем случайные. Испытуемые, получившие код упорядочивания цифр после заучивания, оценивали свой период заучивания так, как если бы они уже знали этот код во время заучивания.

В самом деле, новая информация влияет на суждения о продолжительности прошлого. Если обратиться к формальным аспектам ретроактивного переструктурирования, то можно сделать вывод, что «ретроактивная атрибуция смысла», возможно, является не совсем адекватным переводом *Nachtraeglichkeit*. В действительности мы имеем дело с «ретроактивной атрибуцией» смысла и структуры.

Ниже следует краткое описание клинической ситуации, в которой качественные аспекты переживания времени сыграли роль в

психоаналитической работе. Пациент, воспитанный приемными родителями, во время прохождения анализа жил попеременно то с любовницей, то с женой. На одном из аналитических сеансов, после того, как он жил уже длительное время с женой, он заговорил о том, что ощущает прогресс анализа, но при этом сказал, что ему трудно «увидеть самого себя» во время последнего отрезка жизни с любовницей около двух лет назад. После того, как аналитик заметил, что душевное состояние и настроение анализируемого в тот период было менее стабильным, чем сейчас, казалось, что оно меняется от часа к часу, пациент постепенно перешел к описанию своего ощущения, что периоды жизни с любовницей и периоды жизни с женой и детьми имеют как бы разную временную ткань. Несмотря на то, что он со всей полнотой описывал людей, ситуации и чувства, прежде всего он был озабочен тем, как вновь пережить, заново интегрировать это «время вне игры», эту прерывность опыта, как попытаться «увидеть» себя и в периоды стабильности, и в «саккадические» периоды быстрой смены настроения.

Затем он заговорил об окончании лечения, предчувствуя и радость, и ностальгию. За этим последовал рассказ о намерении поговорить с приемными родителями о настоящих, которых, как он думал, они знали. Возникли биографические детали жизни приемных родителей, не упоминавшиеся им до сих пор, а также фантазии о биологических родителях. Затем он сказал, что, может быть, существует какая-то связь между любовницей и родителями, как он их себе представляет. На следующем сеансе – в контексте выраженного страха обнаружить что-то новое о своем происхождении и боязни своей собственной реакции на эти возможные открытия – он рассказал сон о том, что он находится в угловой комнате, из которой открывается вид в двух направлениях.

Сложную ситуацию, с которой мы сталкиваемся при рассмотрении клинических и экспериментальных данных, можно обобщить следующим образом: мы постоянно воспроизводим прошлое, но само прошлое, которое мы воспроизводим, не остается неизменным. Оно постоянно реформируется под воздействием новой информации, внутри которой когнитивный и эмоциональный факторы неразделимы. Аффективная, а, следовательно, и трансферентная история тоже укладывается в такое воспроизведение. Предсознательное богатство нашего аффективно наполненного контакта с самими собой и миром зависимо и производно от обертонов воспроизведения и сгущения, от постоянного краткого проигрывания *элементов* нашей когнитивной и эмоциональной истории. Я подчеркиваю, что это именно проигрывание, а не повтор, потому что вновь проигрываемое прошлое постоянно меняется с притоком новой информации, подвигаясь «перекодированию». Другими словами, мы получаем (новые) инсайты.

Жак Деррида в одной из своих лекций несколько лет назад высказал идею опубликовать тексты, в которых отброшенные в процессе работы элементы сосуществовали бы с окончательным вариантом. Таким образом

читатель мог бы проследить эволюцию мысли автора, и это отличалось бы от простого описания автором ее эволюции. Даже если автор напишет, что первоначально у него была идея А, а затем он передумал, и возникла идея Б, его описание будет уже переструктурировано по сравнению с первоначальной мыслью, хотя вычеркнутое сохранится в тексте. Одно из отличий психоанализа от более коротких видов терапии заключается в том, что трансферентный текст пишется и вычеркивается много раз. Иногда уничтоженные отрывки рассматриваются и изучаются в наших психоаналитических «реконструкциях», и при этом порой получается панорамная перспектива, в которой мощное *переструктурирование* смазывает те мелкие вычеркивания, которые мы делаем в процессе получения инсайта.

Во всем нашем обсуждении работы аналитика и анализируемого центральное место занимает самонаблюдение. «Наблюдающее Я» пациента и «работающее Я» аналитика исследуют регрессию в переносе и контрпереносе, но, несмотря на временной характер концепции регрессии, нам, скорее, придет в голову пространственная, а не временная метафора, когда мы говорим о «наблюдающем Я» или о терапевтическом «расщеплении» в анализе. Однако этот пространственный образ несет в себе все опасности овеществления, реификации, тогда как фокусировка на двустороннем движении воспроизведения во времени постоянно меняющегося прошлого может, в конечном счете, помочь нам понять нечто еще более таинственное, чем бессознательное, а именно само сознание. Понятия «инсайта» и «сознания» близко родственны друг другу, так как они оба подразумевают расщепление во времени, раздвоение оси времени.

Если существует уравнение, связывающее время и психику, то расстройства психики можно понимать как расстройства времени. Я пришел к убеждению, что центральным для шизофрении является расстройство сознания. Один пациент-шизофреник после наступления улучшения объяснил мне, что раньше (теперь он думает, что раньше был болен сильнее) он ощущал, что рядом идет мышление, но не знал, что это он сам мыслит. Картезианское «*мыслю, следовательно, существую*» здесь неприменимо. Я думаю, что такую патологию лучше всего можно концептуализировать как невозможность охватить «двойственность времени». Если можно так выразиться, время между «думаю» и «существую» лежит в основе картезианской формулы и самого сознания.

Одним из преимуществ фокусировки на времени при изучении психических явлений является возможность, в конце концов, перебросить мост к нейронному уровню, к исследованиям, в рамках которых временные подходы выглядят очень многообещающе. Если вернуться к двойственности сознания, то представляется вероятным, что для возникновения сознания интервал между «думаю» и «существую» в картезианской формуле должен укладываться в пределы, определяемые действием нейронов, микро-памятью. Время этого дублирования сознания

не должно быть ни слишком коротким, ни слишком длинным.

В данном контексте интересно вспомнить, что на заре возникновения «научной» психологии наряду с ранними психологическими экспериментами делались попытки определить фундаментальную психологическую единицу времени. Задавался вопрос: «Как долго продолжается «сейчас»?» Так как очень короткие интервалы переоцениваются, а очень длинные недооцениваются, точка схождения – интервалы, оцениваемые правильно, – и считалась этой фундаментальной психологической единицей времени Джонатан Уинстон (*Winston, 1985*) предположил, что осознание может быть связано со временем, требующимся для прохождения обратной связи при переработке стимула. Он ссылается на эксперименты Либби (*Libby*) с нейрохирургическими пациентами. Это может показаться неожиданным, но интервал между ощущением того, что к вашей руке прикоснулись, и переработкой стимула в действии, был *длиннее* в случае, когда кора (кортикальная проекция руки) стимулировалась непосредственно, чем когда стимул воздействовал на руку – в этих условиях реакция была почти мгновенной. По мнению Уинстона, отсрочка осознания прямой стимуляции коры может иметь некое поддающееся определению отношение к функционированию нейронных систем, стоящему за сознанием.

Вновь и вновь нам приходится пользоваться «пространственными» словами для *описания* переживания и явлений времени. (Невербальная музыка *передает* это лучше.)

Сознание, как мы его обсуждали, это *ин-сайт* – взгляд внутрь (*in-sight*), возможно, это фундаментальный инсайт, но нам приходится пользоваться пространственным видением извне – внутрь для описания этой двойственности во времени. Однако существуют некоторые «пространственные» выражения, которые мы воспринимаем как в большей степени «временные» и которые освобождают нас от тяжелой работы по созданию временной концептуализации. Хотя «удивление» (*surprise*, *фр.* – букв. «взятие сверху») является пространственным термином, оно имеет и временной оттенок, возможно, потому, что включает движение и, следовательно, время. (Инсайт же этого не подразумевает.) В самом деле, удивление имеет отношение к двойной временной оси, в некотором роде «двойному времени» – ожиданию времени одного рода и появлению в действительности времени другого рода. Осознание – это как бы взятие себя сверху, расщепление во времени, сдвиг, смещение (*de-calage*), микро-состояние, совпадение с собственной тенью.

Пациент-шизофреник, не знавший, что мышление, идущее рядом, его собственное, считал, что улучшение у него началось в тот момент, когда санитар сказал ему, что у него есть выбор, что он может в данной ситуации делать то, что хочет. Я бы сказал, что улучшение *состояло* в его *способности* в этот момент услышать эту мысль, понять ее и представить себя как центр автономного действия, осознать себя, *осознать*. В

настоящее время нам неизвестно, какие факторы позволяют подняться из глубин психотических состояний или, возможно даже, постоянно действуют, не позволяя туда опуститься. Как уже было сказано выше, я считаю эти состояния расстройством сознания. Возможно, изменение временных параметров нейронной активности, изменение ритма действия нейротранс-миттеров или изменение паттерна соответствующих процессов и дает ту задержку, которая необходима для двойственности сознания внутри приемлемых пределов, для психологического «сейчас». Для нашего пациента-шизофреника фраза, брошенная санитаром, была подобна солнечному лучу, который дает возможность работать солнечным часам. И как на солнечных часах, именно благодаря расщеплению между объектом и его движущейся тенью, мы имеем сознание и время.

Перевод А.Ф.Ускова и А.К.Казанской

ЛИТЕРАТУРА

- Kafka J.S. (1964) Technical Application of a Concept of Multiple Reality. Int. J. of Psycho-Anal., 45, 575-578.*
- Kafka J.S. (1977) Zum Problem der Realitat, Psyche, 31, 712-31.*
- Kafka J.S. (1989) Multiple Realities in Clinical Practice. N.Y.: Yele Univ. Press.*
- Kluver H. (1989) The Study of Personality and the Method of Equivalent and Non-Equivalent Stimuli. Character and Personality, 5, 91-112.*
- Loewald H.W. (1962) The Superego and the Ego Ideal. II. Superego and Time. Int. J. of Psycho-Anal., 43, 264-68.*
- Smith G.J.W., Danielsson A. (1982) Anxiety and Defensive Strategies in Childhood and Adolescence. Psychological Issues, Monograph 52.*
- Stein M.I. (1949) Personality Factors Involved in Temporal Development of Rorschach Responses. Rorschach Research Exchange and Journal of Projective Techniques. 13, 355-414.*
- Westerlundh B., Smith G. (1983) Percept-Genesis and the Psychodynamics of Perception. Psychoanalysis and Contemporary Thought, 6, 597-640.*
- Winson J. (1985) Brain and Psyche. The Biology of the Unconscious. N.Y.; Anchor Press.*